

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. С. ВЫСОЦКОГО (1938—1980)

НЕ ИЗМЕНИВ СВОЕМУ ДАРУ

25 января 1988 года исполняется 50 лет со дня рождения Владимира Семеновича Высоцкого.

«Прекрасный артист, оригинальный поэт и замечательный, любимый народом певец. Как щедро одарила его природа! И как нещедно, жесточайше скупой отпустила ему дней на земле» — такими словами голосом многих отозвался в 1980 году на невосполнимую утрату писатель Ю. Трифонов, добавив: «В музыку нашей жизни — 60—70-х годов — он внес ноту высокой проникновенности, силы, жизнелюбия. Он пропел много печального о времени и о себе, и он же награждал нас — тех, кто с любовью собирал его записи, кто пел вместе с ним его песни, кто слышал их из случайно распахнутых окон, — награждал подлинной поэзией, страстью и мужеством, необходимыми для жизни. Он был поэтом легендарного темперамента, и он ушел — не растратив его, не исчерпав себя, не изменив своему дару».

Время, известно, залечивает раны, притупляет боль потери близкого человека, а среди искренних любителей творчества Высоцкого, каких встречалось большинство среди его слушателей и зрителей, он почитался именно близким, отнюдь не «идолом» либо «кумиром» толпы, наподобие блистающих эстрадных «звезд».

На вопрос: «За что ты любишь своего друга?» он отвечал: «Если знать за что — это уже не любовь, это — хорошее отношение». Вот так и многочисленные поклонники его таланта, нередко заочно, лишь по впечатлениям от песен да кадров кино, считали Володю (без должного пиетета) своим другом, любили без вопроса «За что?». Строчки его песен жили и продолжают жить не вблизи, а внутри каждого, кто хоть единожды попал в их плен, живут подобно всему истинно народному — пословицам, поговоркам, старинным песням.

Сравнительно недавно показанные Центральным телевидением фильмы «Монолог» (запись 1980 г.) и «Владимир Высоцкий» (реж. Н. Крымова), а также широко прошедший по экранам страны видеofilm «Воспоминание» (к/с им. Довженко, реж. В. Савельев) настраивают на парафраз известной народной мудрости — «лучше один раз увидеть и услышать, чем сто раз услышать», когда речь идет о Владимире Высоцком.

Вспоминаю, как еще до выхода в прокат «Вертикали» (1966 г.), мы — организаторы бесчисленных в то время устных журналов, вечеров отдыха и встреч с интересными людьми — дежурили у служебного входа театра, стремясь отловить актера до или после спектакля, либо пытались прорваться за кулисы сцены, где он только что давал авторский концерт, и пригласить выступить именно у нас, в нашем зале, где, конечно же, самые внимательные слушатели, самые большие ценители поэзии. И почти для всех Высоцкий находил время: утром ли, днем, вечером: в будни или выходные; в промежутках между репетициями и вечерними спектаклями, иногда — после них. Потому многим и многим — студентам, рабочим и ученым, инженерам, писателям и спортсменам, ветеранам войны и поколению молодых — посчастливилось видеть его песни, видеть, как он их пел, соучаствовать в их каждодневном рождении в своем привычном, «домашнем» помещении — рабочем клубе, Доме культуры, общепитии или холле гостиницы. Наиболее отчаянные устроители, несмотря ни на что, умудрялись проводить его концерты и в городских кинотеатрах, и даже во Дворцах спорта. Но никогда качество исполнения песен, предельная страстность и самоотдача, свойственные Высоцкому, не зависели ни от размеров, ни от «престижности» зала.

Время притупляет боль потери близкого человека, однако, как сказала в том же печальном 80-м поэт Б. Ахмадулина: «Жизнь художника исчисляется не очевидной длиной, но объемом значения. Ее скоропалительная протяженность отнимает у друзей и современников житейское блаженство встреч, созерцание милого земного соседства, но прибавляет дорогому образу и образу таланта вообще черту исключительной драгоценности, беззащитной и родимой непрочности. Дар Высоцкого — это дар нам, и мы приняли его с благодарностью и наслаждением, не обделив людей следу-

ющего времени, которым предстоит получать этот долгий подарок, этот привет от наших дней».

Происходящие сейчас в стране обновления и перемены подчеркнули, сколь всегда необходимы в обществе творчески активные люди с позитивным, жизнеутверждающим настроением. Каким и был Владимир Высоцкий, какими продолжают жить его песни, его откровения в кино.

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не поют.

Далеко не все сложенные им стихи и песни — веселые. Есть — философские раздумья, лирические миниатюры, образцы буравящей сатиры, немало песен-ассоциаций о минувшей войне, и чем дальше отмеряет время их возраст, тем больше осознается нами — его современниками — их непреходящая ценность.

В интервью «Литературной газете» (№ 22 от 3 июня 1987 г.) почетный член АХ СССР, живописец С. Н. Рерих заметил: «Смысл человеческой жизни — в достижении красоты, гармонии, в самовыражении. Самая большая задача — это самосовершенствование во всем. (...) Жизнь — это служение, надо уметь выбрать из нее то, что помогает нам продвинуться к совершенству».

Высоцкий сумел прожить, утвердить свою колею, не изменив данному природой таланту, всегда оставаясь самим собой. И его песни вселяют в людей веру в собственные силы на пути к торжеству разума, доброты мыслей, чувств, побуждений.

Даря автографы, он часто писал всего два слова — «Всего доброго».

Л. БЕЛЕНЬКИЙ

Музыка и слова В. ВЫСОЦКОГО

ПЕСНЯ О СТАРОМ ДОМЕ

[Из кинофильма «Саша-Сашенька»]*

Таинственно

Сто - ял тот дом, всем жи - те - лям зна - ко - мый,-
е - го е - ще на по - ле - он за - стал, но вот е - то на -
зна - чи - ли для сло - ма, жи - ль - цы дав - но у - е - хали из до - ма, но
дом по - ка сто - ял. Хо - лод - но, хо - лод - но,
хо - лод - но в до - ме. Па. //

Для повторения Dm

Для окончания Dm

* В кинофильме песня звучит на мелодию М. Таривердиева.

Стоял тот дом, всем жителям знакомый, —
Его еще Наполеон застал,
Но вот его назначили для слома,
Жильцы давно уехали из дома,
Но дом пока стоял.

Холодно, холодно, холодно в доме.

Парадное давно не открывалось,
Мальчишки окна выбили уже,
И штукатурка всюду осыпалась,
Но что-то в этом доме оставалось.
На третьем этаже.

Ахало, охало, ухало в доме.

И дети часто жаловались маме
И обходили дом тот стороной.
Объединясь с соседними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой

Дворники, дворники, дворники, тихо!

Они стоят и недоумевают,
Назад спешат, боязни не тая, —
Вдруг там Наполеонов дух витает,
А, может, это просто слуховая
Галлюцинация?

Боязно, боязно, боязно дворникам.

Но наконец приказ о доме вышел,
И вот рабочий — тот, что дом ломал, —
Ударил с маху гирею по крыше,
А после клялся, будто бы услышал,
Как кто-то застонал

Жалобно, жалобно, жалобно в доме.

От страха дети больше не трясутся —
Нет дома, что два века простоял.
И скоро здесь по плану реконструкций
Ввысь этажей десятки вознесутся —
Бетон, стекло, металл.

Весело, здорово, красочно будет.

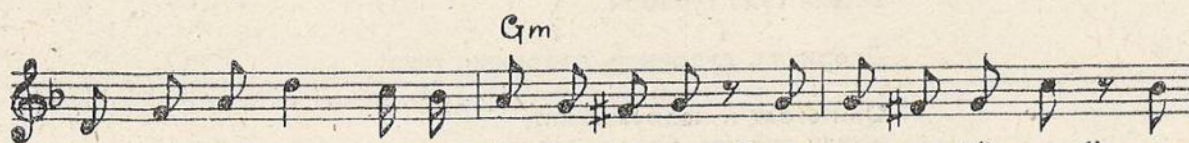
О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ

(Из кинофильма «Последний жулик»)

С иронией

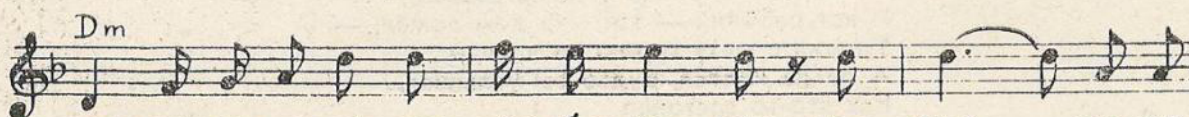
О вку_сах не спо_рят, - есть ты_ся_ча мнений, я

э_тот за_кон на се_бе ис_пы_тал. Ведь да_же Эйн_штейн, фи.

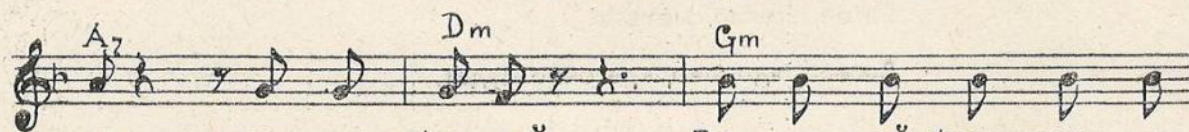
-зи_чес_кий ге_ний, весь_ма от_но_ситель_но все по_ни_мал. О_

-дел_ся по мо_де, как тре_бу_ет век, вы ска_ же_те

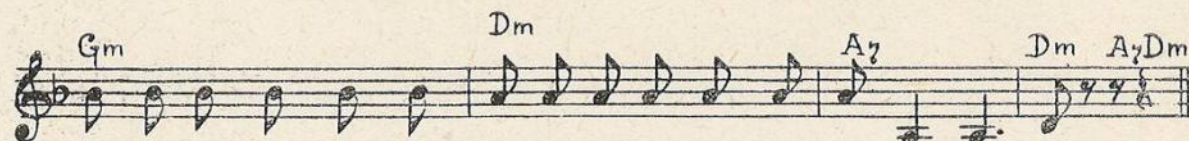
са_ми: - Да э_то же про_сто дру_гой че_ло_век! А

я - тот же са_мый. Вот уж, дей_стви_тель_но,

все от_но_ситель_но, все_все, все. На // все.

Буд_те же бди_тель_ны, все от_но_ситель_но, все_все, все.

О вкусах не спорят, — есть тысяча мнений,
Я этот закон на себе испытал.
Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
Весьма относительно все понимал.
Оделся по моде, как требует век,
Вы скажете сами:
— Да это же просто другой человек!
А я — тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все — все, все.

Набедренный пояс из кожи пантеры —
О да, неприлично, согласен, ей-ей.
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры им было видней.
Оделся по моде, как в каменный век,
Вы скажете сами:
— Да это же просто другой человек!
А я — тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все — все, все.

Оденусь как рыцарь я после турнира —
Знакомые вряд ли узнают меня —
И крикну, как Ричард я в драме Шекспира:
— Коня мне! Полцарства даю за коня!
Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
Ценитель упрямый:
— Да это же просто другой человек!
А я — тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все — все, все.

Вот трость, канотье. Я — из нэпа. Похоже?
Не надо оваций, к чему лишний шум.
Ах, в этом костюме узнали? Ну что же,
Тогда я одену последний костюм:
Долой канотье, вместо тросточки — стек.
И шепчутся дамы:
— Да это же просто другой человек!
А я — тот же самый.
Вот уж действительно
Все относительно,
Все — все, все.
Будьте же бдительны,
Все относительно,
Все — все, все.

ЛИРИЧЕСКАЯ

Медленно

Здесь лапы у елей дрожат на ве-
су, здесь птицы щебечут тревож-
но. Живешь в заколдованном диком ле-
су, откуда уйти невозможно.
Пусть черемухи сохнут бельем на вет-
ру, пусть дождем опадают сирени,
все равно я отсюда тебя забе-
ру во дворец, где играют сви-
рели. Твой // занял.

Для повторения
Для окончания

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно.
Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени,
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели.

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света.
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот.

Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре,
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом у моря.

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно,
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно.
Украду, если кража тебе по душе,
Зря ли я столько сил разбазарил?
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял.

ПАРУС

Яростно

А у дельфина взрезано брюхо винтом. Выстрела
в спину не ожидает никто. На батарее нету сна-
рядов уже. На до быстрее на вираже.
Припев:
Парус, порвали парус! Каюсь, каюсь,
каюсь... Даже в дозе // каюсь...

А у дельфина взрезано брюхо винтом.
Выстрела в спину не ожидает никто.
На батарее нету снарядов уже.
Надо быстрее на вираже.

Припев:
Парус, порвали парус!
Каюсь, каюсь, каюсь...

Даже в дозоре можешь не встретить врага.
Это не горе, если болит нога.
Петли дверные многим скрипят, многим поют:
Кто вы такие? Вас здесь не ждут.

Припев.

Многие лета тем, кто поет во сне,
Все части света могут лежать на дне,
Все континенты могут гореть в огне.
Только все это — не по мне.

Припев:
Парус, порвали парус!
Каюсь, каюсь, каюсь...

ТОВАРИЩИ УЧЕНЫЕ

Обстоятельно

*) Am Dm

То-варищи уче-ны.е, до-цен-ты с кан-ди-да-та-ми, за-
 му-чи-лись вы с ик-са-ми, за-пу-та-лись в ну-лях, си-
 ди-те, раз-ла-га-ете мо-ле-ку-лы на а-то-мы, за-
 бь-в, что раз-ла-га-ет-ся кар-то-фель на по-лях. Из
 гни-ли да из пле-се-ни баль-зам изв-лечь пы-та-е-тесь и
 кор-ни изв-ле-ка-ете по-де-сять раз на дню.
 Ох, вы там до-ба-лу-е-тесь, ох, вы до-изв-ле-ка-е-тесь, по-
 ка сгни-ет, зап-лес-не-ве-ет кар-то-фель на кор-ню. *Am Припев:*
 то-бу-сом до-сход-ни до-ез-жа-ем, а там-рыс-
 цой, и не сто-нать! Не-бось кар-
 тош-ку все мы у-ва-жа-ем, ког-да сболь-
 цой е-е на-мать!

*) Куллеты исполняются речитативом

Товарищи ученые, доценты с кандидатами,
Замучились вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.
Из гнили да из плесени бальзам извлечь пытаетесь
И корни извлекаете по десять раз на дню.
Ох, вы там добалуетесь, ох, вы доизвлекаетесь,
Пока сгниет, заплесневеет картофель на корню!

Припев:

Автобусом до Сходни доезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось картошку все мы уважаем,
Когда с солью ее намять!

Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль
С лопатами проявите здесь свой патриотизм.
А то вы всем кагалом тут набросились на опухоль,
Собак ножами режете — а это бандитизм!
Товарищи ученые, кончайте поножовщину,
Бросайте ваши опыты — гидрит и ангидрит! —
Садитесь в полуторки, валяйте к нам в Тамбовщину,
А гамма-излучение денек повременит.

Припев:

Полуторкой к Тамбову подъезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось картошку все мы уважаем,
Когда с солью ее намять!

К нам можно даже с семьями, с друзьями и знакомыми.
Мы славно тут разместимся, и скажете потом,
Что бог, мол, с ними, с генами! Бог с ними, с хромосомами!
Мы славно поработали и славно отдохнем.
Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез! —
Ведь лягут в землю общую остатки наши бранные,
Земле, ей все едино — апатиты и навоз.

Так приезжайте, милые, рядами и колоннами.
Хотя вы все тут химики, и нет на вас креста,
Но вы ж ведь тут задóхнетесь за синхрофазотронами,
А там — места отличные, воздушные места!
Товарищи ученые, не сумлевайтесь, милые:
Коль что у вас не ладится ну там, не тот аффект, —
Мы мигом к вам заявимся с лопатами и с вилами,
Денечек покумекаем — и выправим дефект.

ЧУЖАЯ КОЛЕЯ

Не слишком быстро

Сам ви.но.ват, и сле.зы лью и о.ха.ю: по.

пал в чу.жу.ю ко.ле.ю гл.убо.ку.ю.

Я це.ли на.ме.чал сво.и на вы.бор сам, а

вот те.перь из ко.ле.и не вы.брать.ся.

Кру.ты.е скольз.ки.е кра.я и.ме.ет э.та ко.ле.

я. Я кля.ну про.ло.жив.ших е.е, (ско.ро

лоп.нет тер.пень.е мо.е!) И скло.ня.ю, как школь.ник пло.

хой: ко.ле.я, ко.ле.е, ко.ле.ей.